

È p àè è ñóäüáû

Г . О . Ёääèí , А . А . Øòì èî â

Êî ì ì äðöèè ñî ââòí èè Ààñèèèé Æóóèê â

ПРИ жизни Жукова его биография привлекала внимание современников как яркий пример осуществления извечной мечты бедняка о сказочном превращении в миллионера. Поэтому рассказы о нём и похвалы часто звучали в периодической печати. Однако в советское время о В. Г. Жукове перестали вспоминать. Сотрудник Порховского краеведческого музея А. Е. Крылов, публикуя в ноябре 1998 года первые заметки о благодеяниях земляка, был вынужден признаться: «О жизни самого Жукова известно мало».¹ Только исследования последних трёх-четырёх лет позволяют составить более обстоятельный очерк о нём.

В частности, удалось выяснить дату его рождения и убедиться, что отец Василия Жукова Григорий Парфёнович и дед Парфён Герасимович были не крестьянами и не купцами, а мещанами уездного города Порхова и прихожанами его Троицкого собора. В метрической книге этого собора за 1800 год имеется запись о рождении 24 апреля «у мещанина Григория Парфёнова сына Василия».² Он был старшим сыном Григория Парфёновича и Агриппины Григорьевны. Вслед за ним в

Левин Натан Феликсович – псковский краевед, Почетный гражданин г. Пскова;

Шумков Андрей Александрович – главный редактор издательства «Старая Басманная» (СПб)

семье с 1802 по 1816 год появились ещё три мальчика и три девочки. Однако четверо из них умерли младенцами, и лишь сестра Наталья да брат Алексей прожили дольше. Последний ребёнок Иван умер 2 июня 1816 года, на пятый день после рождения, а 4 июня в возрасте 38 лет скончалась и их мать.³

Единственным источником для рассказа о трудных детских годах Василия является «Очерк торговой и общественной деятельности В. Г. Жукова, известного русского табачного фабриканта, надворного советника и С.-Петербургского 1-й гильдии купца». Он вышел в качестве приложения к «Народной газете» за 1866 год и сразу был перепечатан в четырёх сентябрьских номерах «Псковских губернских ведомостей». В достоверности приведённых там фактов сомневаться не приходится, так как он появился при жизни Василия Григорьевича, за 16 лет до его кончины, и явно на основании его рассказов.

При рождении Василия его 22-летний отец работал сидельцем при кабаке помещиков Бибиковых в Вышегородском погосте Порховского уезда, в следующем году обслуживал другой кабак, а затем потерял работу и вернулся в Порхов. Здесь семья жила в крайней бедности. Безработный отец с весны до осени нанимался в пастухи к крестьянам и с восьми лет брал Василия в помощники.

Подпaska не раз били, когда стадо забредало за изгороди, в огороды. Неизвестный автор «Очерка» добавляет: «Не много утешения видел он и от отца, человека грубого и желчного. Вместо того, чтобы мальчику, возвратившемуся с поля и часто издрогшему до костей, дать покой, отец сажал его плести лапти и при этом малейшая неловкость или неумение влекли за собой самые жестокие побои чем ни попало, а зимой посылал его собирать милостыню по деревням».

12-летнего Василия взяли в «ходоки» при Порховском магистрате, а через три года – рассылным к местному городничему капитан-лейтенанту Н. Е. Дирину, который использовал мальчишку и на домашних работах. Наблюдая в канцелярии за писцами и желая учиться, он попросил одного из них составить прописи и усердно переписывал их. Перья он делал сам, остро затачивая лучину или прутик из веника. Не имея других образцов, Василий стал аккуратно копировать билеты для постоя, воспроизводя и подписи чиновников. По доносу его обвинили в подделке документов и посадили в острог. Выпустили только через 39 дней, разобравшись в отсутствии злого умысла. (Всерьёз заняться своим образованием он смог лишь в 27 лет).

В Порхове было мало ремесленников, и городничий послал 17-летнего смышлёного паренька в столицу учиться столярному делу. Однако мастер не захотел бесплатно содержать ученика и через несколько дней выгнал его. Недолгой оказалась также учёба у каретного маляра, затем у сапожника. Василию пришлось искать любую работу вместе с поденщиками, стоявшими для найма у Казанского моста. Однажды его взяли дворником в один из домов на Васильевском острове, но через месяц хозяйка вместо 13 рублей заплатила лишь 70 копеек.

Наконец Жукову повезло. Незадолго до Пасхи 1818 года в возобновлённый после пожара Каменный Большой театр (будущую Мариинку) охтинский рядчик (по Далю – поставщик работников) Кирьяков стал нанимать плотников и рабочих по перестановке кулис. Работа была нелёгкой, и хотя Жуков был тогда небольшого роста и худощавым, но сумел упротить нанимателя представить и его директору Императорских театров князю П. И. Тюфякову. Тому понравился бойкий вид парня и его расторопность, и Жукова оставили в театре с жалованьем 40 рублей в месяц. В «Очерке» отмечалось, что он любит рассказывать о том впечатлении, которое произвели

на него в первый раз оперы «Иван Сусанин» и особенно «Швейцарское семейство» со сценами, в которых показывали пастушка...

Известный артист и драматург Пётр Каратыгин, вспоминая в своих мемуарах о лобознательном черноволосом, низенького роста паренёке, с интересом смотревшем на сцену из-за кулис, восклицал: «... какой прозорливый мудрец мог бы тогда предвидеть, глядя на Васюху Жукова в грязном зипуне, что он сделает такую блестящую фортуна, будет ходить в мундире, вышитом золотом, и с регалиями на шее. Такие превращения почище театральных». И добавил: «К чести Василия Григорьевича Жукова надо сказать, что он не только не скрывает своего прежнего звания и горемычной бедности, но как человек правдивый, чуждый тщеславной гордости, зачастую вспоминает о ней в кругу своих гостей».⁴

Первый шаг к этой «блестящей фортуна» был сделан им ещё во времена работы в театре. В свободное время Жуков иногда заходил в гости к одному своему земляку, который жил и работал у табачного фабриканта, турка по национальности. Приятель занимался резкой турецкого табака и зарабатывал несколько десятков рублей в день. Однако принять на выгодную работу и Жукова хозяин отказался. Вскоре земляк смог открыть собственное заведение и взял Жукова в подмастерья. Тот быстро овладел мастерством и даже перешеголял приятеля в тонкости резки. Табак его резки стал пользоваться спросом в лучших табачных магазинах.

Жуков долго хранил свой ручной станок и, показывая его знакомым, говорил, что эта кобылка за четыре года вывезла его в люди. Работа была тяжёлой, так что ладонь правой руки, управлявшей резакон, покрылась сплошной мозолью и потеряла всякую чувствительность, а левая рука от перенапряжения отекала и требовала плотной повязки. Совмещая службу в театре с резкой табака, он скопил деньги, съездил на родину в Порхов и выкупил рекрутскую квитанцию, освобождающую от солдатчины. Но от настойчивых советов родичей присмотреть себе невесту отказался.

Зато земляк (хозяин мастерской, имя которого не сохранилось) решил жениться

и пригласил Василия на смотрины. Они состоялись в начале 1822 года на квартире петербургского мещанина Никиты Косьмина. Однако его дочь Мария заявила, что если и выйдет замуж, то только за Василия. Такой ответ польстил его самолюбию, и он женился. Правда, вместо обещанного первому жениху приданого в 1400 рублей ассигнациями ему выдали лишь 300. Впрочем, имея и свои деньги, Жуков смог поселиться с молодой женой отдельно и снять за 240 рублей в год «небольшую лавочку на Фонтанке над Щербаковым кабаком». Их первенец Матвей появился на свет 15 ноября того же 1822 года.⁵ А всего за 14 лет совместной жизни, до 1836 года, у них родилось 11 детей. Из них известны имена только четырёх сыновей: Матвея, скончавшегося на их мызе в Стрельне 9 февраля 1886 года, Семёна (1826 - 1874), Сергея (1827 - не ранее 1874) и Василия (1829 - 1860).

Начало самостоятельной торговли давалось нелегко. В летнее время, когда полковые офицеры, ставшие главными любителями его тонкого, мелкого табака, находились в лагерях близ столицы, Жуков отправлялся в Красное Село и Озерки с лотком на груди, проходя за день до 40 вёрст. Жена в это время торговала в лавочке. В недавно вышедшей книге И. Богданова «Дым Отечества, или Краткая история табакокурения», посвятившей целую главу «Жукову табаку»,⁶ указывается, что на открытие собственного дела деньги ему давали гвардейские офицеры. Организовав более крупное фабричное производство табака, Жуков в 1825 году выбрал документы на звание петербургского купца 3-й гильдии, а с его расширением, в 1829 году стал купцом 2-й гильдии и в следующем году перешёл в высшую, 1-ю гильдию. К тому времени производство табака и торговля достигли у него миллионного размаха, а известность «Жукова табака» и его личности стала всероссийской. На Московской мануфактурной выставке в феврале 1835 года изделия его табачной фабрики были удостоены большой серебряной похвальной медали.

К 1833 году относится набросок сатирического стихотворения Пушкина, начинавшегося словами «Французских рифмачей суровый судия...». Оно высмеивало поэтов Франции, ссорившихся между собой:

«Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам. Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной Заняться службою гражданской иль военной, С хвалёным Жуковым табачный торг завести И снискивать в труде себе барыш и честь».⁷

Таким образом, к тому времени Жуков был уже не только широко известным, но даже и захваленным человеком. Поэтому авторы книги «Путешествие в пушкинский Петербург»⁸ – отец и сын Аркадий и Михаил Гордины сочли необходимым рассказать и о Жукове:

«Своеобразные порядки завёл на своей фабрике табачный фабрикант В. Г. Жуков, выпускавший знаменитый «Жуковский табак». Жуков был личностью примечательной. Смекалистый, ловкий, оборотистый «русский самородок», как его называли, он из простого плотника сумел сделаться богатейшим купцом-миллионером, фабрикантом. Имя его часто мелькало в газетах. Этого он добивался щедрой благотворительностью...

Фабрика Жукова помещалась на левом берегу Фонтанки, между Чернышёвым и Семёновским мостами. Рабочие его, как и большинство других, жили тут же, при фабрике. Пользуясь этим, Жуков установил за ними круглосуточный надзор. Для этой цели существовали особые дневальные, затем «старшие», набранные из отставных унтер-офицеров, и часовые у ворот. Из каждодневных рапортов хозяин знал всё о поведении рабочих, об их малейших проступках: кто вернулся в позднее время, не ночевал дома, был пьян, проявил «мотовство» и «щегольство». Провинившегося ждали строгий выговор от хозяина, временное запрещение отлучаться, задержка части жалованья.

Жуков очень гордился таким жестоким полутюремным режимом на своей фабрике и даже описал его в «Журнале мануфактур и торговли».

Гордины явно имели в виду обстоятельную статью «О внутреннем устройстве и управлении табачной фабрики В.Г. Жукова», занявшей 40 страниц в № 1 этого журнала за 1840 год. Сам Жуков вряд ли был инициатором её появления в печати. Считая 14-летний опыт существования этой фабрики «достойным подражания», Департамент мануфактур

запросил у Жукова подробный отчёт, который и опубликовал в своём журнале. В отчёте звучит уверенность Жукова, что установленный им строгий порядок – благо для самих рабочих, как отвращающий их от пьянства и других пороков. Кроме описания этих порядков, он рассказал об устройстве в 1831 году при фабрике отделения для больных, содержимого хозяином «без вычета из жалованья за время болезни». А также о первой в России сберегательной кассе, созданной на фабрике на более рациональных, по мнению Жукова, основаниях, чем появившиеся в Англии и Франции. Более того, помня о благотворном влиянии на него театральные представления, Жуков составил из рабочих хор песенников, известный всему Петербургу. Они выступали даже на праздничном вечере, устроенном столичным дворянством по случаю совершеннолетия наследника престола, будущего императора Александра II.

Умелое руководство фабрикой и другими коммерческими делами приносило Жукову значительную прибыль. Часть её он направлял на улучшение и расширение производства, а также на приобретение недвижимости, обеспечивая безбедное существование семьи и детей на многие годы. В 1831 году он приобрёл за 230 тысяч рублей каменный дом на углу набережной Фонтанки (ныне № 80) и Лештукова переулка, получившего в советское время имя поэта Джамбула. Прикупив в 1833 году примыкавший флигель, Жуков смог разместить в них табачную фабрику с общежитием, лазаретом и магазином. Здесь же, в квартире № 19, проживала вся его семья. (Дом перестраивался в 1885 году архитектором Мельниковым, а позже был надстроен). На набережной Фонтанки Жукову принадлежали также дома №№ 87 и 94, а в Лештуковом переулке – дома №№ 1, 11 и 18 (последний – на углу Загородного проспекта).

По проектам архитектора Н. П. Гребёнки в 1845 году для него был выстроен каменный дом на углу Садовой и Гороховой улиц (№ 31/34), а в 1847 году – известные Жуковские бани, действующие и поныне под названием Лоцманских (Лоцманская ул., 12). В той же Московской части на Обуховском проспекте ему принадлежали дома №№ 11

(не сохранился) и 12, а в Адмиралтейской части на Гороховой улице – дома №№ 34 и 35, позднее причисленные к Спасской части. Жуков приобрел также дома: на перекрестке Невского и Владимирского проспектов, на Калининской площади, на Петергофском проспекте, на Михайловской площади (на углу Итальянской улицы, № 4, проданный в 1844 году братьям Виельгорским). Для семьи, в которой росли малолетние дети, в 1830 году он купил великолепную дачу в Екатерингофе, на взморье (Нарвская часть Петербурга), а 19 апреля 1846 года приобрёл там же ещё одну дачу, с деревянным домом.

Табачная фабрика была не единственным промышленным заведением В. Г. Жукова. Под Петербургом, в Стрельне, на мызе, принадлежавшей ранее купчихе С. В. Эк и купленной в 1847 году с публичных торгов за 32 тысячи рублей, он имел бумагопрядильную и писчебумажную фабрики.

Свою известность и уважение Жуков заслужил и тем, что значительную часть сил и средств тратил на **общественную деятельность и широкую благотворительность**.

Уже в феврале 1830 года купеческое общество избрало молодого, энергичного предпринимателя в состав Торговой депутации, которая контролировала правильность определения доходности торговых и промышленных заведений, обложения их налогами и сборами. За трёхлетнее добросовестное исполнение обязанностей депутата купеческое общество 26 ноября 1834 года выдало Жукову похвальный лист.

В августе 1833 года за материальную поддержку петербургского **Николаевского дома призрения престарелых и увечных граждан** его избрали в члены Комитета, управлявшего делами этого Дома. С 1839 года, по должности столичного городского головы, он стал председателем Комитета. 9 декабря того же года за труды по улучшению Дома император объявил ему Высочайшее благоволение. При вторичном избрании городским головой в ноябре 1846 года он снова вступил в должность председателя Комитета.

12 февраля 1835 года за значительное пожертвование в пользу петербургской **Детской больницы**, тоже называвшейся Нико-

лаевской и основанной крупнейшими благотворителями братьями Павлом и Анатолием Николаевичами Демидовыми, Жукова пригласили в члены Комитета этой больницы. 29 февраля 1844 года «за участие в трудах и приношения на пользу больницы» Императрица выразила ему Всемиловейшее благоволение. Уже 23 февраля следующего года «за оказанное усердие к распространению благотворительных действий по Детской больнице» последовало Высочайшее благоволение Императора. Еще одно благоволение Императрицы «за участие в приношениях и попечение к благу больницы» было объявлено ему 16 марта 1848 года. Членом Комитета Детской больницы В. Г. Жуков состоял 47 лет, до самой кончины.

Столь же долго он поддерживал известный **Демидовской Дом призрения трудящихся**, основанный в 1833 году тем же Анатолием Демидовым (1812 - 1870). Нуждающиеся женщины получали там платную работу и питание. 25 мая 1835 года за произведённые пожертвования Жукову было присвоено звание старшины этого Дома. В следующем году 7 января он получил Высочайшее благоволение за пожертвование 2 тысяч рублей в пользу Демидовского дома; 10 мая и 20 августа Императрица выразила Всемиловейшее благоволение за то, что Жуков принял на себя обучение трёх сирот в школе и содержание пяти воспитанниц Дома. 12 апреля 1839 года ему присвоили звание почётного члена Демидовского Дома. 31 мая было отмечено принятие им на содержание в Доме 8 бедных мальчиков, 30 июня – участие в постройке при Доме призрения училища для 50 мальчиков. Всемиловейшие благоволения за приношения и попечение о Демидовском Доме выражались также 19 февраля 1840 года; в 1842 году 31 марта и 31 декабря (за пожертвование на возобновление церкви при Доме призрения); 21 и 26 февраля, 21 июня 1843 года, 6 марта 1844 года, 16 февраля 1845 года (за постоянное попечение на пользу Дома), 7 октября 1845, 29 февраля и 1 мая 1848 года (за долголетнюю благотворительность и усердие к Демидовскому Дому), 31 марта 1849 года.

15 мая 1837 года при Доме призрения трудящихся было открыто «Убежище для де-

тей, оставляемых матерями, идущими на заботки». Благородная идея сразу нашла своих последователей. Уже в следующем году в Петербурге открылись ещё четыре Детских приюта. За организацию одного из них взялся В. Г. Жуков. Для этого в Нарвской части столицы он купил деревянный дом и обратился за соответствующим разрешением, обязавшись ежегодно жертвовать на его содержание по 5 тысяч рублей серебром. 27 декабря 1837 года последовало Высочайшее соизволение на открытие комнат **Детского приюта** и присвоение тому приюту имени «Жуковский». Уже 30 марта следующего года за это благотворительное дело он был награждён золотой медалью на Александровской ленте. 19 февраля 1840 года Императрица объявила ему Всемилостивейшее благоволение за отличные дела по Детскому приюту. Впрочем, через 10 лет, 8 октября 1847 года было удовлетворено его прошение о передаче звания старшины Жуковского детского приюта старшему сыну Матвею.

А пока, заботясь о своём Детском приюте, В. Г. , как **член Совета детских приютов** Петербурга, помогал и другим. 30 сентября 1842 года Император выразил ему Всемилостивейшее благоволение за содействие успеху пяти лотерей в пользу столичных детских приютов. В дальнейшем Императорская чета многократно (3 мая 1843, 1 мая 1845, 27 мая и 15 июня 1846, 6 ноября 1847, 9 и 30 октября 1848, 5 ноября 1849, 3 марта 1851, 10 июня 1852, 13 января 1853 года) объявляла Жукову подобные поощрения за труды и усердие на пользу Детских приютов, а 26 июня 1859 года «за пожертвованные в течение 20 лет на содержание Детских приютов до 40 тысяч рублей серебром» ему была пожалована Императорская корона к ордену св. Анны 2-й степени.

Особое благоволение Их Императорских Величеств В. Г. Жукову было объявлено 5 июня 1839 года за пожертвование на сооружение железной решётки перед Александровским сиротским домом, а 30 ноября 1845 года – за пожертвование в пользу частных школ Женского Патриотического общества.

28 октября 1837 года Жукова включили в состав **Комитета, учреждённого для разбора, призрения нищих и изыскания**

способов к искоренению нищеты в Санкт-Петербурге. За пожертвования в пользу заведений, устроенных этим Комитетом, 4 мая 1838 года ему было объявлено Монаршее благоволение. Такое же поощрение он получил 29 мая 1839 года за содействие к открытию и содержанию отделений для снабжения бедных пищей, 12 января 1842 года от Императрицы за пожертвование в пользу учреждений в столице столовых для бедных и 22 июня 1847 года от Императора за пожертвование тысячи рублей серебром на эти столовые. За благотворения, оказываемые неимущим, 30 июля 1842 года ему присвоили звание почётного члена Медико-филантропического комитета.

Жуков не обошёл своим вниманием и религиозные святыни. 21 января 1839 года Синод преподал ему благословение за приношение в пользу церкви Олонецкой епархии (с центром в Петрозаводске), а 28 марта 1846 года – Высочайшее благоволение за пожертвование на украшение храма Чесменской военной богадельни.

Особой его заботой пользовалось **Митрофаниевское кладбище**, бывшее поначалу беднейшим в столице. Первоначально его устроили для захоронения умерших во время большой эпидемии холеры 1831 года. Оно располагалось близ деревни Тентелевка, на версту южнее Обводного канала, между Варшавской и Балтийской ветками железной дороги. Через четыре года из-за нехватки мест на столичных кладбищах было решено «учредить в смежности с холерным обыкновенное городское кладбище». Сюда перенесли деревянную церковь Лейб-гвардии Измайловского полка, для которого на одноимённом проспекте возвели новый величественный храм. Кладбищенскую церковь освятили 20 октября 1835 года во имя новопрославленного в 1832 году епископа Митрофания Воронежского. Тогда В. Г. Жуков принял активное участие в удовлетворении нужд кладбищенской церкви и в обустройстве кладбища, получившего название Митрофаниевского. Решение мирян об избрании его первым церковным старостой этого храма было утверждено указом Петербургской духовной консистории от 2 апреля 1836 года. На свои средства он проложил дорогу к клад-

бищу, обсадил её серебристой ивой и поставил кладбищенскую ограду. Но, убедившись, что совместить новые обязанности с руководством большой фирмой затруднительно, 6 декабря Жуков по прошению уволился с этой общественной должности. Однако за неимением подходящих кандидатов ему пришлось исполнять их до 1 ноября 1837 года. И после этого он продолжал заботиться о храме, о чём свидетельствует благословение Синода от 23 июня 1838 года, преподанное ему за значительное пожертвование, сделанное в пользу этой церкви.

Восемь лет, с 1839 по 1847 год, взамен неё на средства благотворителей, среди которых был и Жуков, по проекту известного столичного архитектора Константина Тона строился большой пятикупольный Митрофаниевский храм. На заключительной стадии строительства, требовавшей большого внимания, помощи и контроля, Жукова упростили и в 1845 году вновь избрали церковным старостой, а также включили в Строительную комиссию по сооружению церкви. Её торжественно освятили 7 августа 1847 года. Только после того, как основные проблемы по благоустройству храма были решены, в 1850 году Василий Григорьевич по собственному желанию оставил должность старосты. На этом кладбище были похоронены все его близкие родственники и он сам. Площадку, где они покоились, называли Жуковой дорожкой.

Во многом благодаря заботам и усилиям Жукова Митрофаниевский некрополь стал самым большим дореволюционным православным кладбищем столицы и основным местом захоронения беднейшего населения Петербурга. Несмотря на это, оно было закрыто в 1927 году, а через два года снесены его храмы и часовни. Но в блокадные дни 1941 - 1944 годов там возобновились массовые захоронения погибших ленинградцев. Даже это не помешало после войны убрать все надгробные камни, никак не отметив места погребения блокадников. Только варварским можно назвать появившееся намерение выкопать из земли останки сотен тысяч жителей Петербурга и Ленинграда и вместе с окружающей территорией застроить бывшее кладбище, игнорируя предложение общественности об устройстве на этой небольшой части огром-

ного участка мемориально-рекреационной зоны. Невозможно понять, почему, благоговейно заботясь о Пискаревском кладбище, можно бездушно относиться к могилам предков, в том числе и питерских блокадников, на Митрофаниевском кладбище. Разве прекрасный лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто!» перестал быть актуальным и действует только выборочно?

Общественная деятельность В. Г. Жукова не ограничивалась только благотворительностью. Она значительно расширилась с 14 февраля 1839 года в связи с избранием

его на высокий пост **Петербургского городского головы**. По этой должности он стал председателем Городского депутатского собрания и упомянутого Комитета призрения престарелых и увечных граждан, в марте был назначен членом Попечительского совета заведений общественного призрения в Петербурге, в ноябре – членом Высочайше утверждённого Комитета для усиления городских доходов в столице.

Василий Григорьевич сразу проявил свою деловую хватку на пользу беднейшего населения. В том 1839 году в городе очень подорожал хлеб («четверть муки доходила до 14 рублей» - из «Очерка»). На совещании,

созванном по этому поводу Министром внутренних дел графом А. Г. Строгановым, по предложению Жукова было решено закупить муку за границей и продавать её по более умеренной цене, чтобы заставить местных торговцев тоже снизить цены. По Высочайшему повелению ему были выделены два корабля. На их снаряжение он потратил около двух тысяч рублей собственных денег. Через некоторое время ночью к нему на квартиру прибыли жандарм, фельдъегерь от Министра и курьер от генерал-губернатора. Разбуженный слугой, Жуков подумал: не арест ли это и не следует ли бежать по чёрной лестнице. Но, не ведая за собой никакой вины, он вышел к ожидавшим и получил от них пакеты с сообщением о прибытии кораблей с хлебом...

Жуков успешно справлялся с новыми сложными обязанностями городского головы. 30 декабря 1839 года петербургский губернатор объявил ему «совершенную благодарность» за участие и деятельность по 3-му рекрутскому набору, а 5 января 1840 года – за своевременное и полное внесение городом всех податей. Первый срок этой службы окончился у него 1 апреля 1842 года, и 20 октября Император выразил ему «Высочайшее благоволение за отлично усердную службу в звании городского головы».

Ещё 26 июня 1836 года Василий Григорьевич подал прошение о причислении его с семейством к сословию потомственных почётных граждан, передав с прошением 1100 рублей на благотворительные цели. Однако, только став городским головой, он получил определение Правительствующего Сената от 10 августа 1839 года о признании их в этом звании. Более того, вскоре, 22 марта 1840 года, «за усердные труды на пользу общую и успешное выполнение делаемых поручений» ему было пожаловано звание коммерции советника. Тогда это была высшая оценка общественной, торгово-промышленной и благотворительной деятельности нечиновного люда, применяемая довольно редко (в истории Псковской губернии известны лишь несколько лиц, удостоенных этого звания).

Ещё в 1772 году на средства другого представителя упоминавшегося рода заводчиков Демидовых, Прокопия Акинфиевича, было учреждено **Санкт-Петербургское**

коммерческое училище. По Высочайше утверждённому 10 мая 1799 года Правилам, в Совете этого училища «положено иметь шесть почётных членов из числа знатнейшего и почётнейшего купечества». В связи со смертью одного из них Император 12 апреля 1840 года утвердил предложение тайного советника Новосильцова об определении в почётные члены Совета «здешнего градского главу коммерции советника Жукова, пользующегося уважением и доверенностью купеческого сословия». Это звание считалось государственной службой с правами на чины и ордена. Впрочем, орден св. Станислава 2-й степени ему был пожалован 5 июня 1843 года «за полезные действия и значительные пожертвования на благотворительные учреждения». Высочайшее благоволение за пожертвование в пользу училища он получил 17 июня 1845 года, а за отлично усердную службу по званию почётного члена Совета училища – 8 октября 1846 года. Через 10 лет, 26 августа 1856 года, за службу по училищу на орден св. Станислава ему было пожалована Императорская корона.

В 1859 году его признали старшим почётным членом Совета Коммерческого училища. И всё-таки тогда же он подал прошение об увольнении от этой должности. Его Императорское Высочество принц Пётр Ольденбургский 16 мая 1859 года сделал на прошении надпись: «Весьма бы мне желательно, чтобы Василий Григорьевич остался на службе», после чего Жуков отказался от увольнения. Но ненадолго. 10 декабря 1860 года по новому прошению, в котором он ссылаясь на «частые выезды из Петербурга по своим делам», его освободили от этого почётного звания. За два десятилетия безвозмездной службы он пожертвовал на нужды училища более 15 тысяч рублей серебром.

Как городской голова, Жуков был приглашён в комиссию по постройке постоянного моста через Неву и предложил вместо проектируемых новых налогов с населения взимать сбор в размере 1 % с таможенных пошлин, что с годами дало требуемые 6 млн. рублей на сооружение Николаевского моста.

Уже после окончания первого срока службы городским головой, 7 августа 1843 года Министр финансов утвердил избра-

ние Жукова купеческим обществом в члены Коммерческого совета при Департаменте мануфактур и внутренней торговли. 15 ноября 1844 года его избрали в число депутатов от Биржевого комитета для присутствия при перевозке 70 тысяч рублей серебром из Кредитной экспедиции в Петропавловскую крепость, а 16 февраля 1845 года ему объявили Монаршее благоволение за ревностное исполнение этого поручения.

Во второй раз избрание Жукова городским головой столицы было утверждено Императором 19 ноября 1846 года. Через полтора года, 16 апреля 1848 года, «за ревностную и полезную службу по званию городского головы и пожертвования» ему был пожалован орден св. Анны 2-й степени. От этой должности его освободили по прошению 12 июня 1851 года. 14 лет, с 3 апреля 1850 года по 7 сентября 1864 года, он состоял членом Совета государственных кредитных учреждений.

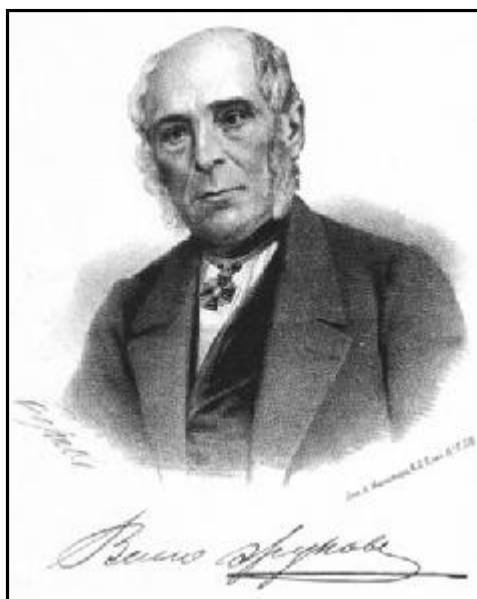
Несмотря на столь обширные и разнообразные дела и заботы, Василий Григорьевич в годы расцвета своей коммерческой, общественной и благотворительной деятельности нашёл время и средства для оказания **помощи бедному населению родного города Порхова** и для развития в нём промышленного производства. К началу лета 1842 года для осуществления своих задумок он отправился в Порхов. В это время, в ночь на 26 мая, в казённой деревне Корчилове сгорели 12 дворов. Как сообщили «Псковские губернские ведомости»,⁹ приехавший в Порхов бывший Санкт-Петербургский городской голова коммерции советник В. Г. Жуков пожертвовал на обзаведение погорельцев 150 рублей серебром. Тогда он купил в городе дом и распорядился приспособить его под богадельню. 5 августа МВД разрешило ему составить проект учреждения в Порхове богадельни и банка с наименованием их Жуковскими.

В связи с этим между Псковским приказом общественного призрения, Порховским городским головой и Жуковым в 1842 году состоялась любопытная переписка.¹⁰ Узнав о предстоящем открытии богадельни, этот Приказ поспешил сообщить Порховской думе, что предполагает перевести туда пять уроженцев Порховского уезда, призываемых в Пскове, и просил известить о времени её

открытия. На это Жуков ответил, что намерен призывать лишь коренных граждан города Порхова, а не уезда.

Разработанные им Положения об Общественном банке Жукова и об Общественной богадельне Жукова были утверждены Императором 8 апреля 1843 года и напечатаны в четырех номерах «Псковских губернских ведомостей» за 2 - 23 июня. О цели Банка говорится в первом параграфе Положения: «Банк сей учреждается в городе Порхове на пожертвованную коммерции советником Жуковым сумму с тою целью, чтобы производством ссуд доставить местным гражданам вспомоществование в торговых оборотах, а на получаемые от сего проценты содержать устроенную им же, Жуковым, в означенном городе общественную богадельню».

После утверждения этих Положений между МВД, псковским губернатором и Жуковым началась оживлённая переписка о времени открытия новых учреждений.¹¹ Ещё во время встречи Жукова с военным губернатором Пскова и псковским гражданским губернатором генерал-майором кавалерии

Фёдором Фёдоровичем Бартоломеем, побывавшим в столице, они договорились, что открытие состоится 25 июня 1843 года, так как для этого практически всё уже было готово. Однако из-за состояния здоровья беременной жены Жуков был вынужден отложить свой

приезд в Порхов. И всё же ребёнка сохранить не удалось.

Отметим кстати, что речь идёт о его третьей жене. Первая (Мария Никитична) скончалась примерно в 1836 году. Вторая умерла через пять месяцев после свадьбы, так что о ней ничего (даже имя и отчество) не известно. На третьей (Марии Александровне Парижской) Василий Григорьевич женился не позднее мая 1838 года, так как их первая дочь Мария родилась 15 февраля 1839 года. По семейным преданиям, подтверждённым некоторыми исследователями,¹² М. А. была внебрачным ребёнком императора Александра I и артистки мадемуазель Жорж (француженки Маргариты-Жозефины Веймер), воспитывалась императрицей Марией Фёдоровной (вдовою Павла I) и в Смольном институте благородных девиц. Выйдя замуж, Мария Александровна стала помощницей попечительницы Жуковского детского приюта.

Ещё одной неприятностью, помешавшей срочно выехать в Порхов, стала смерть в Москве купца Латышева, бывшего комиссионером Жукова по торговле, задолжавшим значительные суммы, так что пришлось разбираться с долгами. Наконец 15 августа, в день Успения Божьей Матери, состоялось торжественное открытие общественных заведений Жукова. В 10 часов утра губернатор в присутствии Жукова лично открыл заседание Порховской городской думы, объяснив это тем, что прибыл в Порхов «по случаю редкому и необыкновенно важному».¹³ В яркой речи он говорил: «20 лет тому назад оставил вас один из ваших товарищей; оставил вас бедным и незначущим мещанином. Теперь вы видите его среди вас в почестях и с благим намерением облагодетельствовать свою родину. Да послужит вам примером сегодняшнее собрание и укажет вам, к чему может вести благоразумная предприимчивость, честность и благородство души». И благодарил Жукова: «Вы, после стольких приношений и благодеяний, делаемых в блестящей столице, не забыли и скромное место своего рождения и попечением о нём сооружаете себе среди нас памятник нерушимый». На заседании Думы были избраны руководители Богадельни и Банка во главе с городским головой Иваном Зацким.

На торжество прибыли многие порховские дворяне и все чиновники. Они представились губернатору в зале местного Дворянского собрания. Затем все отправились в Троицкий собор на литургию по случаю Успенского праздника и приведение избранных к присяге. На паперти губернатор приветствовал и обласкал старого Григория Жукова. После молебствия духовенство, почётные гости и народ, в том числе 32 старика и старухи в форменной одежде, крестным ходом направились в здание богадельни на его освящение. Там для призреваемых усердием Жукова была устроена «сытная и даже роскошная трапеза». В тот же день для почётных особ Жуков дал праздничный обед с тостами и музыкой, завершившийся народным гуляньем по городу и на реке Шелони, где на иллюминированных баркасах тоже играли музыканты и выступали песенники. На другой день присутствовавший на торжествах вице-президент Академии наук тайный советник князь М. А. Дондуков-Корсаков принял губернатора и других гостей в своём пригородном селе Полоное. 17 августа праздника окончились обедом в честь Жукова, данным Городским обществом.

1 сентября «Псковские губернские ведомости» сообщили, что 15 августа был открыт и Общественный банк Жукова, который совершает такие операции: приём капиталов на проценты от лиц всех сословий, приём к учёту векселей от мещан и купцов только города Порхова и посада Сольцов, выдача им же ссуд под залог недвижимого и ценного движимого имущества. Для обеспечения первоначальной работы Банка Жуков пожертвовал 10 тысяч рублей серебром, а на содержание богадельни обязался вносить по 625 рублей в год до тех пор, когда доходы Банка смогут покрывать её расходы.

На этом добрые дела Жукова для порховичей не закончились. В октябре 1843 года он пожертвовал 285 рублей серебром Порховскому уездному попечительству о тюрьмах. Сведения о других его полезных делах можно почерпнуть из статьи не назвавшего себя порховского помещика «Утешительные черты из жизни русского человека», изданной «Псковскими губернскими ведомостями» 29 декабря 1843 года и 26 января 1844

года. Она имела эпитафию: «Доблесть частного лица есть достояние целого народа». Автор отметил широкую известность Жукова («чудная, поучительная, живо составленная биография несколько лет тому назад была напечатана в «Северной пчеле» и повторена другими журналами») и особо подчеркнул, что Жуков в Порхове занимается не только благотворительностью, но и намерен создать бумагоделательную, масляную и полотняную фабрики. Они будут полностью перерабатывать падающий в цене лён-сырец: на первую пойдут льняные охлопья, на вторую – семя, на третью – чистый лён. Бумагу Жуков предполагал покупать на 14 тысяч рублей в год для упаковки изделий своего сахарного завода и табачной фабрики. При этом себе он оставлял только 20 паёв из ста, предоставляя возможность остальные выкупать другим порховским предпринимателям. По заверениям автора, «всё это с восторгом принято в Порхове, и я знаю многих дворян, готовых своими капиталами участвовать в этом деле».

С той же целью – сделать благотворительные дела Жукова примером для повсеместного подражания – МВД 13 марта 1844 года разослало губернаторам письмо, отпечатанное в типографии, об успешной деятельности Банка и Богдельни Жукова и предложило «сделать это известным по вверенной Вам губернии чрез Губернские ведомости и, если признаете нужным, чрез особые объявления. Затем не оставьте при всяком удобном случае внушать Градским обществам всю важность и пользу подобных предприятий; в особенности же тем из сословия граждан, которые известны расположением к благотворительности; объясняйте, что общественные кредитные установления, доставляя пособия торговому оборотам, вместе с тем служат постоянным источником к призрению и содержанию бедных граждан, и что содействие их к учреждению в своих городах подобных установлений будут истинным благотворением и обратит на себя особое внимание Правительства». Губернатор выполнил указание МВД и 12 апреля опубликовал эту директиву в «Псковских губернских ведомостях».

Через семь месяцев, 29 ноября 1844 года, в той же газете появилось ещё одно

сообщение «От начальника губернии» о постройке по распоряжению Жукова при богдельне нового каменного флигеля, на который, «кроме ещё некоторых несовершеннолетних поделок», уже потрачены 3700 рублей ассигнациями. Это позволило ему впоследствии открыть там и Детский приют.

Губернатор привлёк Жукова и к псковским проблемам. В январе 1844 года было сформировано Губернское попечительство детских приютов, в почётные члены которого пригласили и Жукова, пожертвовавшего на открытие Псковского детского приюта святой Ольги тысячу рублей ассигнациями (285-70 коп. серебром). В дальнейшем он обязался вносить ежегодно по сто рублей.

Жуков продолжал вникать и в другие нужды земляков. Тот 1844 год в Псковской губернии был очень неурожайным, и Жуков, «движимый чувством сострадания к жителям Порхова, бывшим его согражданами, пожертвовал нуждающимся в продовольствии беднейшим обывателям тысячу пудов ржаной муки». О её прибытии «Псковские губернские ведомости» сообщили 28 марта 1845 года.

В 1847 году в очередной раз в Порхове сгорела деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Она находилась на правобережной части Порхова, за крепостью, в одном квартале от Старорусской улицы и была приписана к Николаевскому храму, располагавшемуся в крепости. К 1853 году на средства Жукова вместо сгоревшей была выстроена новая, каменная Покровская церковь. Перед ней выкопали большой пожарный водоём, а рядом находилась пожарная каланча. В советское время на месте разрушенной Покровской церкви построили Дом пионеров, который тоже не сохранился.

В 1860 году дореволюционный псковский краевед М. Миротворцев в «Заметках на пути в Никандрову пустынь» отметил, что теперь старая Порховская зимняя дорога стала довольно удобной и для летней езды «благодаря усердию коммерции советника Жукова, устроившего на свой счёт шоссе от монастыря на 10 вёрст к Порхову».¹⁴

Порховская контора Жукова вела там все дела по строительству и руководству пред-

приятиями. Управляющий конторой англичанин А. Бруно регулярно отчитывался ему. Четыре десятка писем Василию Григорьевичу «в собственный дом на Фонтанке» хранятся в Русском отделе Российской национальной библиотеки.¹⁵ Из них и других источников известно, что в сентябре 1844 года на мызе Вечки, в двух с половиной верстах от Порхова, вниз по течению Шелони были основаны ткацкая и бумажная фабрики, а свечной и мыловаренный заводы открыты в 1846 году. Мыло Жукова имело фирменный знак в виде жука и было широко известно по стране.

19 мая 1852 года в столицу ушло письмо о ходе строительства на мызе деревянной церкви, которую собирались завершить к святой Троице. Но 20 мая случился большой пожар («...не было способа, акромья самой малости, спасти; машины и прочие заведения сделались жертвою огня»). Сразу начались восстановительные работы, а часовню святой Троицы стали строить каменной, покрыли железом и закончили уже в октябре. Под руководством сына – Василия Васильевича Жукова – производство возобновили к середине следующего года. Оно просуществовало ещё лет 20. 1 ноября 1875 года все постройки, включая плотину через Шелонь и уже разрушенные производственные корпуса, В. Г. Жуков продал порховскому мещанину И. И. Карабанову. Позднее там работал кожевенный завод товарищества М. Шелонина и П. Зацкого.

Супруги Жуковы скончались почти одновременно, в 1882 году. Мария Александровна умерла 29 июня на курорте Меррекюль Везенбергского уезда Эстляндии и через четыре дня была погребена на Митрофаньевском кладбище Петербурга. Василий Григорьевич скоропостижно скончался в ночь на 17 декабря. «Петербургский листок» сначала напечатал краткий некролог, назвав Жукова «драгоценным самородком русской почвы», а 23 декабря опубликовал обширные дополнения и уточнения.

В Порхове чтят память своего выдающегося земляка. Некоторые жители города предложили к 50-летию банка и богадельни Жукова устроить парк на Покровской площади, возле построенного им храма. Порховская городская дума, обсуждая ходатайство 11 июля 1893 года, решила приобрести и установить бронзовый бюст Жукова, а также выпустить к юбилею брошюру о банке, богадельне и детском приюте тиражом 500 экземпляров. Изготовление бюста затянулось. Открытие памятника «незабвенному благодетелю порховичей» состоялось только через 12 лет, 21 апреля 1905 года.¹⁶ Его установили перед ажурной железной решёткой Детского приюта на Смоленской улице (ставшей в советское время проспектом Ленина).

В том же году осуществилась давняя мечта порховичей иметь вместо плавучего моста постоянную переправу через Шелонь.

Бюст В.Г. Жукова

27 ноября в присутствии губернатора графа А. В. Адлерберга и при громадном стечении народа состоялось освящение и открытие железного моста. Впрочем, земляные работы возле моста, необходимые для нормального движения, ещё продолжались. В частности,

потребовалось проложить улицу от моста по прямому направлению к построенной Жуковым в 1853 году каменной Покровской церкви. Она должна была соединить мост со Старорусской улицей, от которой начиналось шоссе в сторону Дно. Императорским указом от 3 ноября 1906 года новая улица была названа Жуковским проспектом и разрешалось произвести отчуждение земельных участков у нескольких домовладельцев общей площадью 1603 кв. сажень, вознаградив их из городских средств. В народе мост тоже стали называть Жуковским.

После революции по решению президиума Порховского уездного исполкома Общественный банк Жукова был ликвидирован в ноябре 1918 года, как «не приносящий народной пользы», с передачей всех ценностей в Порховское казначейство.¹⁷ А в июле 1919 года сняли бюст Жукова, и вместо него заказали «бюст Маркса, который желательно водрузить у железного моста».¹⁸ Жуковский проспект был переименован в проспект 25 Октября. На нём в аварийном состоянии стоят плитяные стены бывшей богадельни.

Пришло время восстанавливать память об этом выдающемся предпринимателе и благотворителе. В Порхове следует увековечить его имя. А в Петербурге одним из шагов к этому должно стать сохранение и благоустройство основной мемориальной зоны бывшего Ми-

Примечания

1. «Порховский вестник» 11.11.1998 и «Стерх» 13.11.1998
2. ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 3343
3. ГАПО, ф. 203, оп.4, д.7
4. *Каратыгин П. А.* Записки. М., 1970. С. 86
5. ЦГИА СПб., ф. 239, оп.1, д.1277
6. *Богданов И.* Дым Отечества, или Краткая история табакокурения. М., 2007. С. 143-163
7. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 10 тт. Том 3. Л-д, 1977. С.252
8. *Гордин А., Гордин М.* Путешествие в Пушкинский Петербург. Лениздат, 1983. С. 115
9. № 23 от 3 июня. С. 123
10. ГАПО, ф. 75, оп.1, д.246
11. ГАПО, ф. 20, оп.1, д.1480
12. *Плешко Н. Д.* Несколько слов о М. А. Парижской // Новик. 1948-1949. Отд.1
13. «Псковские губернские ведомости», 25.08.1843
14. Там же, 01.07.1860
15. РНБ СПб., ф.777, оп.1, д.1721
16. «Псковский городской листок», 04.05.1905
17. ГАПО, ф. Р-530, оп. 1, д. 80, лл. 60, 173, 175
18. ГАПО, ф. 608, оп. 1, д.177, л. 25-об.